

ИГОРЬ ЯНКО:

Наш театр не монастырь, но отчасти его подобие

Говоря о театре Анатолия Васильева, отчего-то все время упоминают одно лишь имя - имя его руководителя. Многие считают, что актеры “Школы современного искусства” подобны сырью, из которого Васильев создает свои творения. Их имена мало кому известны. Игорь ЯЦКО, служи он в какой-нибудь иной труппе, вполне мог бы претендовать на статус премьера. Но у Васильева живут по иным закона.».

- Игорь, очевидно, что ваш приход к Анатолию Васильеву не был случайным. Что определило выбор и что ему предшествовало?

- Мне было 24 года, когда я поступил на курс Анатолия Александровича. Этому предшествовало очень большое разочарование в театре и профессии. Я ведь успел окончить Саратовское театральное училище, курс Юрия Петровича Киселева. Потом был Саратовский ТЮЗ, были неплохие роли, но хотелось большего. Я вдруг, к своему ужасу, осознал, что ощущаю театр по-другому, не так, как окружающие. Совершенно отчаялся и начал подумывать о смене профессии.

В Саратовском ТЮЗе тогда работал Петр Маслов, который был одновременно студентом Васильева. Его рассказы возбудили во мне любопытство. Театральные идеи, о которых шла речь, выходили за рамки того, что знал и умел я.

Вступительный экзамен к Васильеву был для меня настоящим уроком. Мне было неполных 24 года, но я ощущал себя пенсионером, одной ногой вступившим в лабдю Харона. Был горд и напыщен. У меня имелаь большая чтецкая программа, и я был лауреатом Пушкинского конкурса. Но первый тур еле-еле прошел. Понял, что все то, что умею, надо если уж не забыть, то пока отложить куда-то подальше. Надо было читать книги, которые никогда прежде не читал. И театр воспринимать иначе.

Я познакомился с Анатолием Александровичем в 88-м году. Работал в той труппе, которая создавала “Шесть персонажей в поисках автора”, а потом была работа над “Сегодня мы импровизируем”. С нашего курса в театре у Анатолия Васильева остались трое: Мария Зайкова, Александр Огарев и я.

- Отчего у Васильева так часто уходят?

- Заниматься тем театром, который создает Васильев, трудно. Это испытание на выносливость, на верность искусству и самому себе. Почему сам я не разочарован? Васильев открыл для меня театр как искусство не прикладное, а подобное науке, искусство, у которого есть свой предмет, свои законы, которые можно исследовать. Это законы, соединяющиеся с высшими законами - божественными, космическими. Васильев открыл для меня ту вертикаль в искусстве театра, которую я сам по себе найти не мог. Ту интонацию, которая делает возможным передачу не жизни души и чувств, но самого смысла. Это означало перемену мировоззрения, театрального в том числе.

Сам по себе театр, который предлагает Васильев, ориентирован не на драматическую ткань психологического свойства, хотя эту материю он знает и постиг, из нее он вышел, а на ту, из которой рождаются трагедия, эпос, мистерия. Это то, что называется взаимоотношением идей. Есть проблемы человеческие, но даже самые глубинные из них - они все-таки исчерпаемы. А есть проблемы бесконечные. Я считаю, что в жизни каждого человека есть один главный вопрос - религиозный. Вопрос взаимоотношения человека и Бога, человека и Духа. В какой-то момент каждый из нас оказывается один на один со Всевышним.

- Насколько, с вашей точки зрения, взаимосвязаны такие

понятия, как актер и одиночество?

- Трагичность театрального искусства связана с тем, что это коллективное творчество. Ужасно, когда собирается компания, начинает двигаться в определенном направлении и кто-то не выдерживает. В силу самых разных причин. И в тот момент, когда он оставляет дорогу, ему почему-то наплевать на тебя, продолжающего двигаться дальше.

За десять лет в театре образовалась тройка актеров - Александр Ануров, Владимир Лавров, погибший минувшим летом, и я. Это важный для меня творческий союз в нашем театре. Мы никогда друг друга не подводили и удерживали всю актерскую группу в целом. Постепенно от этапа эстетического, означавшего для каждого отношения “я и Васильев”, перешли к этапу этическому, означавшему то, что мы делаем одно общее дело, ответственны не только за себя, но за всю группу в целом. Так появились спектакли “Амфирион”, “Каменный гость”, “Моцарт и Сальери”, “Государство”.

В театре, который предлагает Васильев, существует две ступени. Одна - радостная и приятная. Это процесс постижения определенной системы координат, отношения к труду. Необходимо несколько лет, чтобы это освоить. Путь этот не интеллектуальный, а практический. Другая ступень более мучительная - процесс овладения исполнением. Ты уже что-то начинаешь понимать, но овладения формой, формой слова прежде всего, нет. Это же не психологический театр. Тут практически невозможно достичь совершенства. При упорных занятиях продвигаешься муравьиными шагами.

То, чем мы занимаемся в последнее время, называется мистерией. Понятие это не определяется просто отношением людей или концептов. Актеры играют сами для себя. Это даже не подобие литургии, которая творится на мирской территории. Вопросы, которые исследует такое действо, скорее подобают церкви, храму, нежели мирской жизни. Вторжение в эту область опасно. И Васильев нам говорит об этом. Надо быть осторожным, надо молиться.

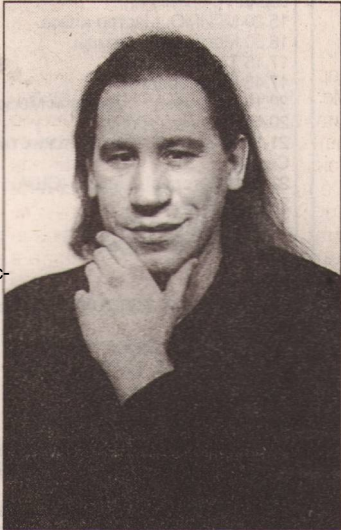
- Стоит ли ставить на карту жизнь, если такого рода соприкосновения влекут за собой трагические совпадения?

- Это выбор каждого человека. Я считаю, что стоит.

Наш театр не монастырь, но отчасти его подобие. В идеале театр, который занимается духовным поиском, должен напоминать монастырь. Жизнь ведь очень влияет на творчество, и не всегда благотворно. Если бы была возможность от нее на какое-то время полностью отгородиться, можно было бы достичь большего.

Непреложный авторитет для Васильева - это Ежи Гротовский. Однажды я его видел. Он мне даже руку пожал. В одной из своих статей Гротовский написал о том, что обычная человеческая жизнь для него - причем не какая-нибудь низменная, а самая вдохновенная, интеллектуальная, интеллигентная, полная наслаждений - все равно что жизнь в тюрьме. И он искал любую возможность выскочить в другой мир, и театр давал такой шанс. Я тоже верю не в осуществление желаний, а в то, что не может не осуществиться.

- Одна монахиня сказала мне

что если человек по каким-то причинам стесняется перекреститься, проходя мимо церкви, то он может сделать это без помощи рук, глазами. Для Бога все равносильно. Это к вопросу о том, что можно ведь монастырские стены возвести внутри себя, а не вовне. Не обязательно ходить в церковь, чтобы быть праведником.

- Раньше думал так: я - человек верующий в душе своей. И мне достаточно сознания этого, и не обязательно ходить в церковь. Но в последнее время убедился, что это не совсем так. Потому что пойти в церковь - значит совершить духовную работу, которую в какой-то другой момент тебе совершать лень.

Был у нас спектакль “Иосиф и его братья”. Актеры образовывали круг, подобно певчим, и исполняли литургию в том виде, в каком она идет в православном храме, исключая тексты священника. Это, скорее, музыкальное произведение из литургии, а не сама литургия, потому что отсутствует священник. Параллельно читалась Библия. А внутри круга игрались диалоги Томаса Манна, в которых светский писатель оживил все то, о чем пели и читали актеры. При этом соблюдались правила православного богослужения. Это, конечно, не церковь, но театр, связанный с духовной историей. И сильное испытание для каждого из участников - верующих и неверующих. Приходилось решать: участвовать в этом или нет.

- Какие уникальные возможности появятся для творчества в вашем новом театральном урчим на Сретенке?

- Там предусмотрено несколько репетиционных залов, большая сцена и сцена, подобная той, что существует в Шекспировском театре в Лондоне. Пространства нашего нового театра удивительны и потрясают. Но потребуеться продолжительное время, чтобы эти объемы освоить.

- Каким образом складывается день актера “Школы драматического искусства”?

- Театр наш называется “Школой...”. Значит, он ориентирован изначально на обучение актера, а не на выступление и репертуар. А уже в результате обучения появляются какие-то работы. Расписание наше не зависит от того, есть в этот день спектакль или нет. Тренинг ежедневный. Сегодня, например, с 11 до 12.30 занимались ушу. Потом у молодых актеров в лаборатории был вербальный тренинг, разработанный Васильевым. Потом - репетиции новой пьесы. Это не означает работу над очередной репертуарной постановкой. Это просто работа.

“Иосифа и его братьев” мы репетировали три года, а сыграли трижды. Рекордным в нашем театре по количеству представлений, в которых участвовал я, был “Каменный гость” - прошел 75 раз. Мои коллеги из Саратова плачут

от тягот репертуарного театра, играя более 50 спектаклей в месяц. Театр Васильева - экспериментальный, и нам знакома, скорее, нехватка репертуарной работы. Мы мало играем, но много готовимся к этому.

- Анатолий Васильев ратует за тщательный отбор публики, приходящей на его спектакли. А публика часто, несмотря на все его усилия, собирается на удивление случайная, не понимающая, куда и зачем пришла.

- Это один из парадоксов театра. Васильев декларирует независимость театра от публики. И эта его мысль альтернативна замерной зависимости театра от зрителя, который приходит в театр хозяином, диктует свою волю

и желания и таким образом нивелирует театр как искусство самодостаточное. Вот этому-то явлению Васильев и противопоставляет категорию театр без зрителя”. Это означает в моем понимании перемещение энергетического источника от позиции “я это кому-то представляю, и в этом мой интерес”, то есть от зрителя к источнику энергии, возникающей среди действующих актеров. Мы собираемся для того, чтобы играть то, что не смотрит никто. У меня ведь был опыт театра, в котором изнемогают от тоски, что-то демонстрируя, а зритель бывает доволен или недоволен в связи с этим. У Васильева такой театр, в котором два актера начинают диалог, и не нужно, чтобы их кто-то видел. Конечно, люди могут наблюдать за происходящим, но актерам интересно существовать уже внутри самого диалога. Я не скукаю в тот момент, когда нахожусь внутри этого действия, которое в лучшем своем варианте напоминает медитацию.

Случается, что зритель во время таких представлений скучает. Он делится, я заметил, на два лагеря. Часть из них становятся активными поклонниками, принимают такой театр. Остальные на дух его не переносят. При этом говорят: что же это за театр такой, где зрители не нужны, где актеры радуются сами себе, и чему они, собственно, радуются. Но это уже вопрос степени совершенства того, что мы делаем.

Теоретически тот энергетический центр, который организуют актеры между собой, и есть объект театра, объект действия. Он должен, как всоонка, вовлекать зсмтелей. В моей практике такие “идеаль>е” спектакли были. но их можно по лаль_ай перестать.

- А вы воспринимаете Васильева, как отца родного? Можете рассчитывать на него в трудную минуту?

- Васильев воспринимает театр как семью, но при этом любит говорить: “Я вам не отец. Не делайте из меня папашу”. Это, скорее, шутка. А рассчитывать на него могу, без сомнения. Когда меня серьезно избили и лицо превратилось в сплошной отек, он сделал все для того, чтобы меня привести в норму и вылечить.

- Рок какой-то? Актер вашего театра Владимир Лавров погиб от случайного удара на улице...

- Те темы, над которыми мы работаем, нарушают какие-то табу. Входим в опасные сферы, не связанные с обычной душевной жизнью. Это темы Духа и Красоты. На репетициях мы часто говорим, что они опасны. И тот, кто к ним подходит, рискует. В обычной жизни от человека требуется иная степень осторожности. Мы же недостаточно осторожны. Отсюда и препятствия, возникающие на нашем пути. Впрочем, это сложный вопрос. Не нужно об этом говорить.

Беседу вела
Светлана ХОХРЯКОВА